

Елена Самойлова

Грозовой
Сумрак

МОСКВА
T8 RUGRAM
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
С17

Самойлова, Е.

С17 Грозовой сумрак / Е. Самойлова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 314 с. — (Легенды Западного холма).

ISBN 978-5-521-92032-7

Это легенда, рассказанная ненастной осенней ночью у жарко горящего очага. Сказка для тех, кто уже вырос, но еще продолжает верить в малый народец, живущий под сводами Холма в подземной стране. О том, что не так уж и велика разница между волшебным существом, живой стихией и человеком, когда их ведет одна Дорога, и о том, как все-таки мало люди знают о «добрых феях»...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-92032-7

© Елена Самойлова, текст, 2020
© Пасынкова Юлия, обложка, 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

*Автор выражает благодарность Льву Кругликову,
Всеволоду Мартыненко и Сергею Казакову
за помощь в «ловле блох» и поиске неточностей.
Отдельное спасибо Михаилу Черниковскому
за наглядные и познавательные консультации.*

Пролог

За широко распахнутым окном вовсю гроыхала буря. Казалось, что море и небо поменялись местами, и перевернутый океан сплошным потоком льется сверху вниз в неизмеренную никем бездну. Ветвистые молнии то и дело прочерчивали яркими зигзагами суровое черно-фиолетовое небо. Бухта у подножия далеко выдающегося в океан мыса превратилась в бурлящий котлован, где волны неистово разбивались о камень. Раз за разом, да с таким грохотом, что казалось, будто бы они решили переспорить не утихающий в сошедших с ума небесах гром.

Замок, построенный на каменном обрыве, казался неотделимой частью этого берега — настолько он сросся со скалой, так тесно сплелись его подземные коридоры с сетью естественных пещер в теле мыса. Издалека причудливые башенки казались всего лишь странным нагромождением камней и деревьев на одинокой скале, и лишь приблизившись можно было различить покатые крыши и тонкие изящные флюгера на верхушках башен.

Когда-то этот замок был прекрасен — белокаменные стены сияли в солнечных лучах, подчеркивая глубокую синеву сурового океана и пронзительно-голубое небо, на котором изредка возникали стайки пушистых облаков. Вызолоченные шпили покачивались на ветру, когда тот дул с океана, принося с собой солоноватую свежесть морской воды и запах водорослей.

В замке всегда обитало множество людей, но это было до тех пор, пока хозяйкой в него не пришла прекрасная фаэриэ.

Шли годы — белые стены потемнели и покрылись частой сетью трещин, которые, в свою очередь, довольно скоро заросли диким виноградом, стерлась позолота со сверкающих шпилей... Да и сам замок постепенно изменял свои очертания. Настолько медленно, что никто из живущих поблизости людей не мог этого осознать. Старики говорили, что во времена их детства он был чутьчку пониже, а башенки со шпилями — наоборот, повыше. От прадедов слышали, что замок на берегу океана не всегда стоял так близко к обрыву, что когда-то он располагался почти в середине мыса, но кто же верит старым сказкам? Разве замки умеют ходить? И уж тем более — вряд ли они умеют расти, перестраиваться сами по себе.

Однако слишком многие позабыли о том, что живущая в замке фаэриэ, наделенная способностью преобразовывать предметы вокруг себя, уже давно перестроила свое жилище себе под стать. Более того — вдохнула в замок то, что знающие маги называли бы жизнью.

Но даже долго живущие фаэриэ не бессмертны, что бы ни думали о них люди. Прошли годы — и хозяйка покинула оживший благодаря ее присутствию замок. Никто так и не узнал, умерла ли она или же просто вернулась к своим родичам, которые рассеялись по лесам Приморской стороны после едва не грянувшей войны — просто однажды люди заметили, что сад вокруг замка начал чахнуть и увядать, а ворота оказались наглухо закрытыми.

Замок не впускал людей, да и они не особенно стремились проникнуть в тайны бывшего жилища фаэриэ. Сказывали, сам Хранитель Дорог все тропинки пустил в сторону от желающего покоя и тишины осиротевшего пристанища прекрасной, как ясная лунная ночь, волшебной девы, все пути направил в обход мыса Иглы, чтобы никакой странник не помешал отдыху прохладных каменных коридоров и лестниц.

До тех пор, пока в замке не появился узник. Проклятый и своими и чужими. Говорят, он был чистокровным фаэриэ, из тех, что в обмен на власть скармливал своих сородичей обита-

телям Сумерек — туманного мира, тесно соседствующего с миром живых людей, — места, откуда и просачивалась в «верхний мир» неживая мерзость и грязь, хищные твари и, что самое худшее, — те, кто завлекал обманом и магией на изнанку тени, беря в заложники не только тело, но и душу.

Того, чье имя стало синонимом проклинаемого, заточили в старый замок, обрекая на одиночество, которое могло бы стать почти вечным. До тех пор, пока стоит замок, пока смерть не призвет узника. А обрести свободу ему было невозможно.

Впрочем, поговаривали о некоем Условии, которое кто-то из магов, накладывающих заклятье заточения, «подарил» пленнику, не иначе как с целью поселить в нем ложную надежду на возможное спасение, тем самым лишь усугубив его муки.

Условие заключалось в том, что лишь незванный гость, явившийся в замок из глубин причудливо переплетенных коридоров, сумеет вывести узника на волю...

Именно об этом Условии думал сейчас пленник, сидящий на подоконнике раскрытого настежь окна и ловящий губами солоноватые капли ливня, летящие ему прямо в лицо. Волосы, когда-то бывшие чернее ночи, сейчас отливали холодным свинцовым отблеском при каждой вспышке молнии, освещавшей узкое бледное лицо, глаза на котором сияли двумя сиреневыми огоньками. Такими же, как и небольшая искорка в глубине аметистового шарика, оправленного в серебро — словно миниатюрная драконья лапа сжимала в когтях гладкий драгоценный камень.

Огонек в аметистовой подвеске едва заметно пульсировал в такт биению сердца узника, то и дело почти угасал — но потом вспыхивал вновь с удвоенной силой.

Ревел океан. Где-то далеко внизу с грохотом разбивались волны об острые камни. В шум бури, смешанный с громовыми раскатами, вплеталось унылое, пронзительное пение морских сирен, которые устроили себе праздник на бурлящей поверхности соленой пенной воды.

Резкий порыв ветра откинул назад волосы пленника, едва доходившие тому до плеч, бросил в лицо пригоршню холодных дождевых капель. Очередная вспышка молнии озарила

звериный оскал улыбки фаэриэ, некогда снискавшего прозвище Грозовой Сумрак за умение повелевать нарождающейся бурей.

Теперь и это — в прошлом.

Не осталось ничего, только ревущий океан, сошедшие с ума небеса за окном да гнетущая тишина мертвых покоев замка и переходов. И тоска по *ней*, рвущая душу стальными когтями, цепляющая за живое каждый раз, когда он осмеливался думать о чем-то, кроме повседневного существования, этого медленного переползания изо дня в день. Словно издыхающее от жажды животное из последних сил стремится к воде.

Нет, не к воде. К ее миру.

Потому как те, кто заточили его в этот замок, запечатали его со всех сторон настолько надежно, что проникнуть в него любому «гостю» было бы невозможно. Практически невозможно. Оставалось надеяться разве что на то, что заклинание со временем выдохнется, и сюда кто-нибудь сумеет забрести.

Пленник нехорошо усмехнулся и посмотрел вниз. Туда, где морская вода неистово бурлила в природном котле, в обычное время бывшего спокойной бухтой.

Он не может даже покончить с собой, бросившись вниз. Его тюремщики предусмотрели и этот вариант развития событий. Его ждет кратковременный полет, жуткая боль и беспмятство, после которого он придет в себя, лежа на собственной кровати, абсолютно целый и невредимый. Как фаэриэ вместе с людскими магами добились такого эффекта — остается только гадать. Можно думать долго и не додуматься.

Хотя времени-то у него как раз много. Очень много...

Почти вечность.

В комнате раздался тихий смех, едва слышимый на фоне постепенно утихающей бури, но почему-то он моментально был подхвачен эхом и в мгновение ока разнесся по пустынным каменным коридорам.

Замок играл с вынужденным затворником, не то компенсируя себе годы вынужденного «молчания», не то попросту издеваясь. Как бы то ни было, сосуществование с Грозовым Сумраком ему предстояло очень долгое...

Глава 1

Осенняя Роща сплошь пронизана прохладным солнечным светом, косо лежащимся сквозь едва заметную дымку, серебристым шлейфом скользящую меж деревьев... Чуть подернутая зыбью поверхность сапфирово-синего озера, в которой отражаются как в зеркале невысокие берега, усыпанные палой листвой... Но само озеро — лишь бледное отражение высокого хрустально-прозрачного неба, чистый цвет которого не нарушен ни единым белым пятнышком облаков. В такое небо хотелось упасть, как в бесконечный омут, как в воды, что разделяют Осеннюю Рощу и Летний сад Алгорских Холмов, прикоснуться к этой синеве, как к безмерно любимому лицу.

Тишина, изредка нарушаемая лишь шелестом листвы под чуткими пальцами прохладного ветра. Он — единственное, что не подчинено мне в этой части Холма, он всегда был сам по себе и не слушал приказов осенних ши-дани, исполнял лишь просьбы, высказанные от чистого сердца. Сейчас ветер ласково перебирал мои кудрявые волосы, в которых, казалось, запутались солнечные лучи вперемешку с красками осени — и медная рыжина клена, и густой рубиновый отблеск осин, и нежное золото берез соседствовали в моих прядях с сочным цветом спелых плодов каштана и редкими, едва заметными в общей массе, тонкими серебряными прядями. Ведь осень одной рукой касается жаркого лета, а другую всегда протягивает холодной зиме. Потому-то в волосах всех осенних ши-дани есть

и золото знойного летнего солнца, и прохладное серебро первого снега.

Мы есть те, кого непостоянные, страстные, живущие единым мигом и наслаждающиеся каждым днем своего существования люди называют духами природы, детьми лесов, теми, кого можно заметить лишь краешком глаза в переплетении древесных ветвей, разноцветной листве или круговерти зимней метели. Мы — народ ши-дани, проживающий в Алгорских Холмах, оберегающий и свой волшебный край, и часть мира людей на поверхности. Для нас время течет, как песок сквозь пальцы, с каждым годом мы меняемся, как природа, оставаясь прежними. Мы те — над кем не властны Условия колдовства, которым вынуждены подчиняться другие народы, владеющие магией, для нас существуют лишь Сезоны, когда мы входим в полную силу.

Люди ошибочно предполагают, будто бы весь народ ши-дани одинаков, что мы можем использовать силы природы по своему усмотрению в любое время дня и ночи, вне зависимости от погодных условий, всегда, когда нам вздумается. Возможно, если бы оно было так, жить нам довелось бы куда проще. Но момент рождения каждого ши-дани раз и навсегда определяет не только его внешний вид, но и принадлежность к одному из Сезонов, к месту обитания в Алгорских Холмах. Мне довелось родиться осенью, в разгар буйства ярких красок, мягкого лиственного ковра и пронзительно-синего неба, тогда как моей младшей сестре — в холодную зимнюю ночь, когда метель воет, подобно одинокому волку, а ледяной ветер гонит тяжелые седые облака по низкому суровому небу, поднимая снежную крошку с белого покрывала полей. Потому мы с ней так не похожи, и если меня можно принять за человека даже на пике моей силы, то в облике Ильен всегда больше звериного, волчьего. По Зимнему лесу она бродит либо в образе серебристо-серой волчицы с бледно-желтыми, напоминающими восходящую луну, глазами, либо как сейчас — в облике женщины, чье тело покрыто гладкой серебряной шерстью, а пушистый волчий хвост мерцает бриллиантами на осеннем солнце.

Сестра заметила меня сразу, подошла ближе и улеглась рядом на осенний ковер, положив голову мне на колени. Я маши-